

Путёвка в Пельдюки

Елыз Займанулович Сервемякиш мечтал полжизни посетить Пельдюки. И так он от мыслей этих расстраивался, что всенепременно шёл по улице с непокрытой головой и в тапочках, напевая под нос всем известную песенку «Заберите меня в Пельдюки».

Однажды, когда гуси ещё были не кормлены, приехал трактор по продаже лотерейных билетов — один из этих билетов был суперпризом — авиабилетом в столь желанный населённый пункт. Елыз Займанулович, не мешкая, скупил все имеющиеся в наличии лотерейные билеты в обмен на небольшой коттеджик и дойную корову в придачу и — о, чудо — среди билетов действительно имелась та самая долгожданная путёвка в Пельдюки.

Чтобы попасть туда, пришлось нанимать гида и ехать аж на самую окраину, там, где роятся трасмутированные ямы. К одной из этих ям наш Сервемякиш и присоединился. Высунулся язычок привода, словно вопросительно ожидая, пока на него будет положен билет в один конец. А когда билет всё-таки был торжественно возложен, Елыз Займанулович совершил телепортационную транзакцию дезинтеграции-интеграции, воссоздавшись на новом месте, но уже в Пельдюках. Из всего имущества у Елыза была только его любимая свинья-копилка, с которой он никогда не расставался, держал при себе и частенько беседовал на различные метафизические (и не очень) темы.

Сразу по прибытии на место назначения керамическая свинья пропела на соловьиный лад: два квартала — и поворот налево, а затем направо и ещё раз направо. Выйдя на улицу, Елыз Сервемякиш нежданно-негаданно обнаружил себя стоящим по колено в морских звёздах, но, приглядевшись, понял, что звёзды отнюдь не морские, а как раз самые обыкновенные — кремлёвские. Отведя взор от кремлёвских звёзд, Сервемякиш обнаружил направленные на него двуствольные вилы. «На грех и вилы стреляют, а ты грешен, сын мой», — произнёс человек с вилами, — «Я настоятель местного монастыря и тот ещё жук. Осторожнее, не наткнись на усики». В этот момент из вил начали вырываться клубы дыма вместе с извергаемыми в воздух маленькими автоматически управляемыми ракетами класса «Земля — Земля». С этими же словами настоятель принялся благородно приобретать черты вземного

насекомого. Очень скоро перед удивлённым Елызом неспешно так размахивал ракетными вилами исполинский плавунец с металлическими закрылками. «А в таком обличье меня зовут Пельдюксинский плавунец, и я здесь наподобие председателя. Да, должен тебя предупредить: в Пельдюках вообще не существует людей, а все, что были, давно уже оуклились».

В деревьях проворковала птица-секретарь. Елыз очень быстро оседлал её, вскочил на флуоресцентные точки перьевой спины — и был таков. Едет Елыз верхом на птице — секретаре, песенки поёт, да с копилкой разговаривает. Тут внезапно из-за домов выплыла заброшенная танцплощадка. «Ну, жги», — только и были слова Елыза. Жечь долго не пришлось, посему принялись танцевать. Свинья-копилка исполняла соло, да так они прогуляли всю ночь, как только председатель со стреляющими вилами не прибежал и не принялся всё подряд разгонять и подстрекать, закручивая гайки всеми имеющимися подручными внештатными средствами. Так для Елыза началась новая эра, современная эпоха с приобретением особо искажённой формы пельдюкинского гражданства, даже с видом на жительство.

Когда Елызу становилось не по себе, то он жевал собаку, это сразу же помогало, становилось значительно интереснее жить. Собака та не кусалась, поскольку добрая была, поэтому-то её и кусал Елыз, который добрым отродясь не был. А ещё рядом с Елызом поселился Чароплёт. Бывало, сядет Елыз у окна, чаёк с мандариновым вареньем попивает, а тут — бах-бабах — как выстрел вдруг раздастся! «Опять сосед застрелился», — думает Сервемякиш, и всякий раз оказывается прав. Ещё про Чароплёта рассказывали, что он умеет путешествовать по другим мирам, посещать иные Вселенные и грани естеств. Правда, Елыз во всё это не верил, поскольку сам не умел или забыл, что умеет.

Однажды, когда пельдючанка выгуливала своего собаководного енота, на сельских окраинах устанавливали памятник самому первому жуку, которого никто, почему-то, не мог отыскать. А когда постамент уже был водружён, тайно прокравшийся в бетономешалку Елыз, выпрыгнул на пьедестал, да так и застыл в позе нечеловеческого счастья мгновенной заморозки. А благодарные жители Пельдюков так и назвали постамент: «Сервемякиш. Памятник. Нерукотворный».

